

МАТЕРИАЛЫ

А. А. Попов

Затундренские крестьяне

(Русские на р. Пясине)

(Путевые заметки)

Затундренскими крестьянами называется старожилое русское население северо-восточной части Таймырского национального округа. В настоящей краткой статье я намерен поделиться результатами тех наблюдений, которые удалось сделать проездом через р. Пясину летом 1929 г. Внимание автора привлекли две семьи затундренских крестьян, живущие на станке Половинное, говорящие только на русском языке. Насколько известно, остальная масса затундренских крестьян, населяющая территорию от р. Пясины до самого Анабара, ничем не отличается от своих соседей долган и якутов, говорит на их языке и также ведет кочевую жизнь, занимаясь, главным образом, оленеводством и охотой.

Всего в северо-восточной части Таймырского национального округа по данным 1930 г. числилось 270 человек, в пределах р. Пясины — 28. Летом пясинские затундренские крестьяне живут в избах по станкам Веденское, Половинное, Заостровка, Крыс и Кресты, занимаясь исключительно рыболовством; имеющие оленей на это время стада свои посылают в тундру. Зимой живут оседло в избах только 3 семьи: одна на ст. Заостровка, две на Половинном, остальные, имея оленей, ведут кочевой образ жизни. Из указанных семейств первая кулацкая, оленеводческая, говорящая по-долгански, и поэтому не буду останавливаться на ней; две бедняцких, безоленных, собаководов. Не следует из этого думать, что жители Половинного вследствие бедности перешли к собаководству: по рассказам, в старину затундренские крестьяне не были оленеводами и ездили только на собаках.

Совершенно пустынная равнинная тундра, покрытая мохом, по которой в виде голубой ленты протекает р. Пясина; зимою снежные мятели, иногда продолжающиеся десятками суток, — такова природа, окружающая пясинцев (рис. 1). Затундренские крестьяне выделяют себя в особую народность „кресьян“: „мы не русские, мы не долгане и не самоди (самоеды), мы кресьяне“, так отвечают они на вопрос, какой они народности. В царское время они имели своего старосту и управлялись независимо от долганских и тунгусских родов, составляя самостоятельное „затундренское крестьянское общество“; в настоящее время имеют общее управление с долганами и тунгусами, входящими в состав административных единиц, образованных по территориальному признаку.

Каким же образом могли попасть сюда русские? Вряд ли можно видеть в них остатки прежних завоевателей. Надо полагать, что, частично, это — в южной части р. Пясины недавние переселенцы из Енисейского и Туруханского края, подавляющее же большинство, по рассказам, потомки беглых людей, недо-

вольных царским правительством. Весьма возможно, что переселение последних происходило морским путем, как это было выяснено Зензиновым относительно русско-устинцев. Иначе трудно было бы объяснить возникновение поселков по р. Пясине почти до самого устья, в тех местах, куда редко заезжают даже охотники-тавгийцы, самые северные из обитателей края. Через рр. Пясину и Хатангу, вероятно, распространялась волна русской колонизации на юг по р. Хете и на восток до р. Анабара.

Оказавшись во власти суровых географических условий, эти первые колонизаторы края большею частью вымерли от различных эпидемических болезней, главным образом от оспы. Об этом красноречиво свидетельствуют многи-

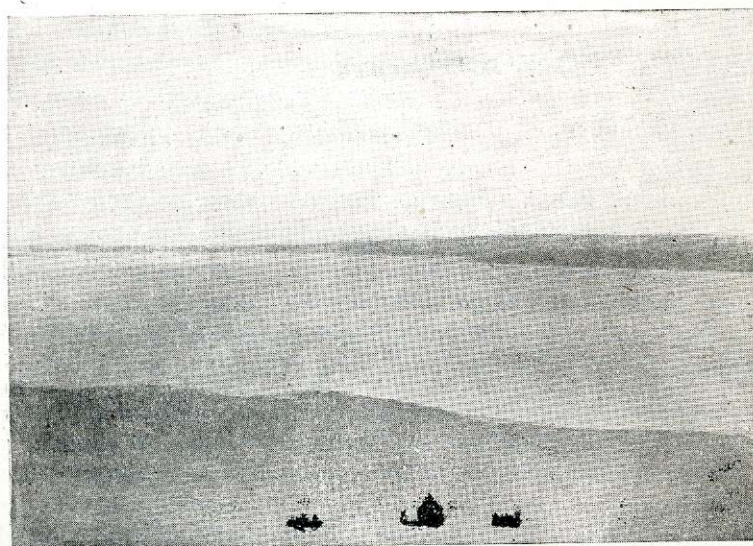

Рис. 1. Река Пясина.

сленные заброшенные русские избы с полатыми, со скамейками вдоль стен и с печами без дымохода, а также многочисленные кладбища с восьмиконечными старообрядческими крестами под двускатными узорными крышами, разбросанные по рр. Пясине, Дудыпте, Хете, Хатанге, Таймыру и по берегам Хатангского залива (рис. 2). Оставшаяся в живых немногочисленная группа затундренских крестьян ассимилировалась с местным туземным населением. Сами крестьяне объясняют вымирание влиянием своих предков-колдунов.

Жители ст. Половинное и летом и зимой живут оседло, занимаясь исключительно рыболовством, и только в незначительном количестве промышляют песцов пастями—ловушками, находящимися всего лишь в нескольких километрах от изб по берегам р. Пясины; оленей не имеют, в качестве ездовых животных держат собак, на которых совершают недалекие поездки за топливом — плавником к реке, за продуктами в кооператив и т. д.

Собачья упряжь старого типа состоит из „аьиков“ — хомутов, сделанных из старых рыболовных сетей, сверху обшитых меховой оленьей шкурой. „Аьики“ надеваются на заднюю часть собаки и „пöтяги“ пропускаются между задними ногами, таким образом она тянет санки заднюю часть тела. Запрягают в одни санки пять или шесть собак парами, передняя, лучше дрессированная, называется „передовой“, и от нее идет к седоку одна возжа.

Собачьи санки на трех низких копылях с „бараном“ — тальниковой дугой спереди. Конец „пöтяги“ привязывается к „барану“ и к веревочной петле на

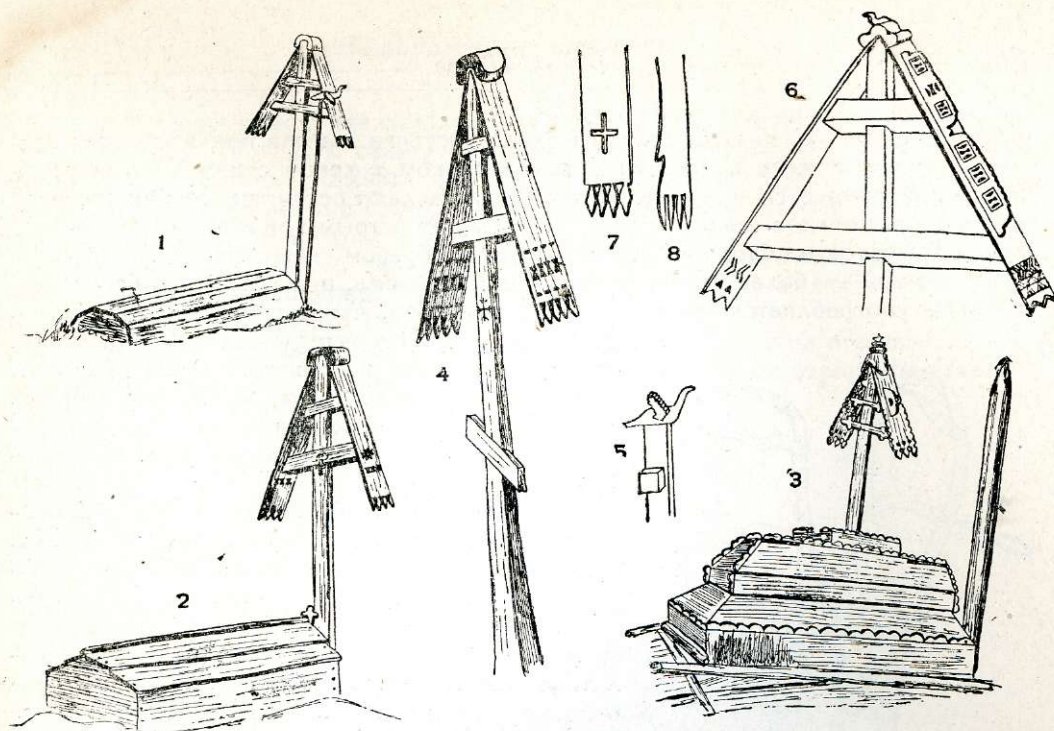

Рис. 2. Могилы на Пяси́не: 1. Ст. Заостровка 2, 3, 4, 5, 7 и 8. Ст. Черное.

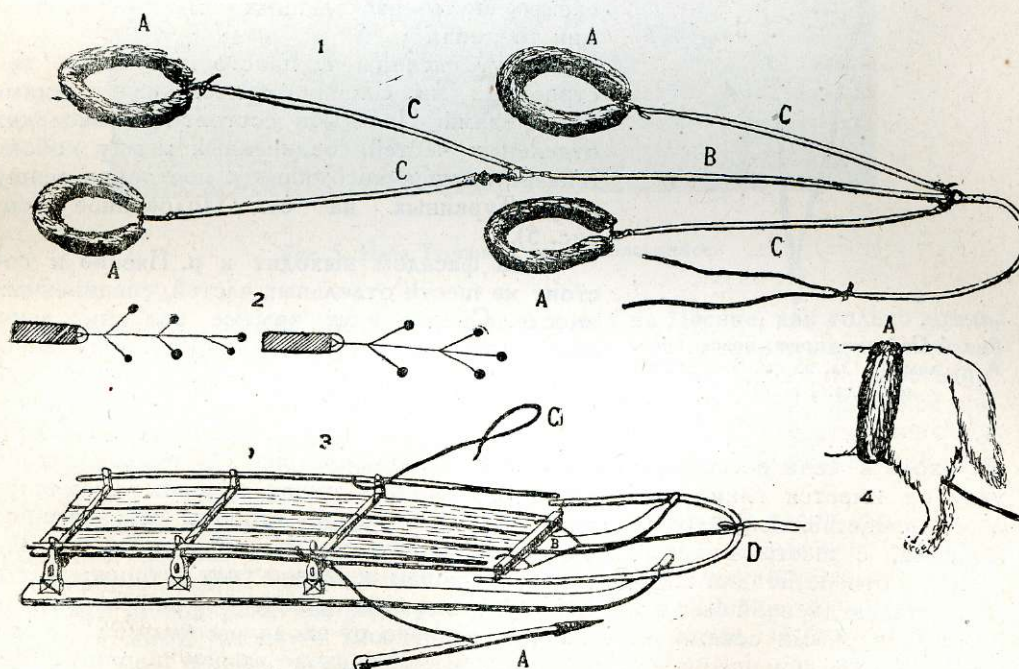

Рис. 3. Собачья упряжь.

1. Упряжь старого типа: А — „алыки“ в диам. 80 см. В — центральный потяг, дл. 1 м 30 см. С — „потяги“, дл. 1 м 25 см.
2. Схема расположения собак в упряжке.
3. Собачьи санки (дл. 2 м). А — „тарыл“, дл. 90 см. В — петля на передке санок. С — „опора“, веревка с петлей для вдевания „тарыла“. D — „баран“, тальниковая дуга.

передке санок. С правой стороны около третьего лопыла привязывается „тарыл“ — шест с железным острым наконечником, с левой стороны на этом же месте привязывается веревка с петлей. Когда желают остановить собак, „тарыл“ вдевают в петлю с левой стороны и втыкают острым концом в землю между передком санок и „бараном“, тормозя таким образом санки (рис. 3).

„Лямки“ — более усовершенствованная упряжь, при которой собака тянет грудью, употребляется только парная для того, чтобы тянуть лодку против

течения (рис. 4). При езде управляют посредством слов. Если нужно повернуть направо, говорят: „пот, пот!“, налево: „хра, хра!“, остановить: „ттуо, ттуо!“, кроме того, погоняют всевозможными выкриками, подражающими рычанию собаки.

Собак начинают обучать езде рано — весеннего щенка осенью. Возят собаки до 8 лет. Кормят специально заготовляемой вяленой рыбой — „юколой“ из щук и налимов. Для этого разрезают рыбу вдоль посередине до самого хвоста и вешают на специальные жерди вялиться на солнце. Летом собаки ходят на свободе, кормятся рыбными отбросами, зимою держатся в специальном помещении „собачнике“, кормят их раз в сутки, вечером, „юколой“, которую варят в большом котле, посредством бросаемых внутрь раскаленных камней (для экономии топлива).

Живут пясинцы в просторных избах, выстроенных из сплавного леса еще дедами и прадедами. Избы эти состоят из нескольких отдельных частей, соединенных между собою. В качестве типичного образца постройки опишу избу Туркиных на ст. Половинное (см. рис. 5).

Изба фасадом выходит к р. Пясине и состоит из шести отдельных частей, соединенных вместе. Сперва идут крытые холодные сени, необходимые при тех сильных снеговых заносах, которые обычны на р. Пясине, предохраняющие вход в жилое помещение. Дверь сеней во время сильной пурги закрывается. Направо

Рис. 4. Собачья упряжь нового типа. А — „лямки“, дл. 65 см. В — „поводок“, дл. 1 м 30 см.

от входа в сени расположена „коптильня“ или „поварня“. В правом заднем углу ее имеется глинобитная русская печь без трубы, в левом — земляной очаг, представляющий собой возвышение, с одной стороны отгороженное жердями, с шестами над ним для вешания юколы. Над очагом в потолке имеется отверстие для выхода дыма. В правом переднем углу устроены нары. В коптильню дневной свет проникает через два окна из налимьей шкуры (рис. 6).

За первыми сенями идут вторые, направо от входа расположен „собачник“ — зимнее помещение для ездовых собак. При входе во всю ширину помещения имеется возвышение — „собачья кровать“. На нее кладется мох, чтобы теплее было лежать собакам. На правой стороне потолка имеется отдушина — четырехугольное отверстие. Все вышеописанные помещения имеют земляной пол. Из вторых сеней в прямом направлении расположена дверь в первую жилую комнату, за нею следует вторая. Обе они отепляются железными печами, имеют застекленные окна и досчатый пол. Мебели в комнатах почти нет, в первой только один стол в углу на высоких ножках, во второй

у передней стены комод, два самодельных сундука и стол на низких ножках долганского типа. Стульев и скамеек нет, садятся прямо на досчатый пол, разостлав оленьи шкуры. Комната освещается вечером „лейками“ — железными светильниками с жиром и с горящим фитилем из тряпки. Посредством черенка лейка втыкается в стену (рис. 7).

При постройке избы, видимо, железа употреблялось мало, даже такие части, как дверные шарниры, делались из дерева; вместо железных гвоздей, употреблялись деревянные (рис. 8).

Замкнутая жизнь сделала из пясинцев людей с крайне ограниченными узкими интересами. Беспечность их доходит почти до полного отрицания какого-

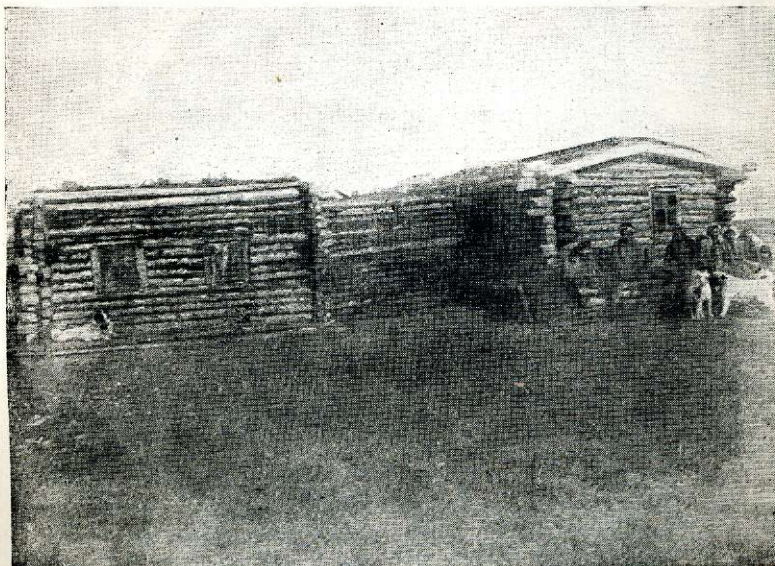

Рис. 5. Изба Туркиных на ст. Половинное.

либо комфорта, потолки протекают. Когда я жил на Пясине, как только дождь, внутри избы „море разливное“, но вместо того, чтобы закрыть щели потолка землей и дерном, как это принято делать приезжими русскими, „крестьяне“ предпочитали каждый раз всю обстановку складывать в один из менее протекающих углов. На мое предложение исправить потолок или отмалчивались, или говорили, что нет времени, хотя последнее находилось для картежной игры с „гостями“ — долганами.

Ложатся спать пясинцы очень рано, встают около 5 часов утра, в продолжение дня раз или два смотрят сети — „пушальни“, иногда неводят, чинят рыболовные снасти, изредка ездят в кооператив за продуктами или „гостевать“ (в гости), в год раза два или три просматривают пастники — вот и вся однообразная жизнь пясинцев. Большие рыболовные богатства Пясины с избытком обеспечивают питание затундренских крестьян.

Подобно окружающему их коренному населению, „крестьяне“ отличаются суевериями; при болезнях обращаются за помощью к долганским шаманам, верят и панически боятся „знатков“ — колдунов.

По их словам, в старину вся Пясина была заполнена колдунами. Рассказывают, что прадед Лаптуковых вместе со своим братом были колдунами, причем первый был злым колдуном, второй — добрым.

От злого колдуна никому не стало житья: такой он был вредный, что „по-едал“ (изводил своим ведовством) не только посторонних, но и свою родню. И вот, когда однажды приехал на Пясину священник, родные злого колдуна взмолились, чтобы он избавил их отца от колдовских чар. Тогда, говорят, по при-

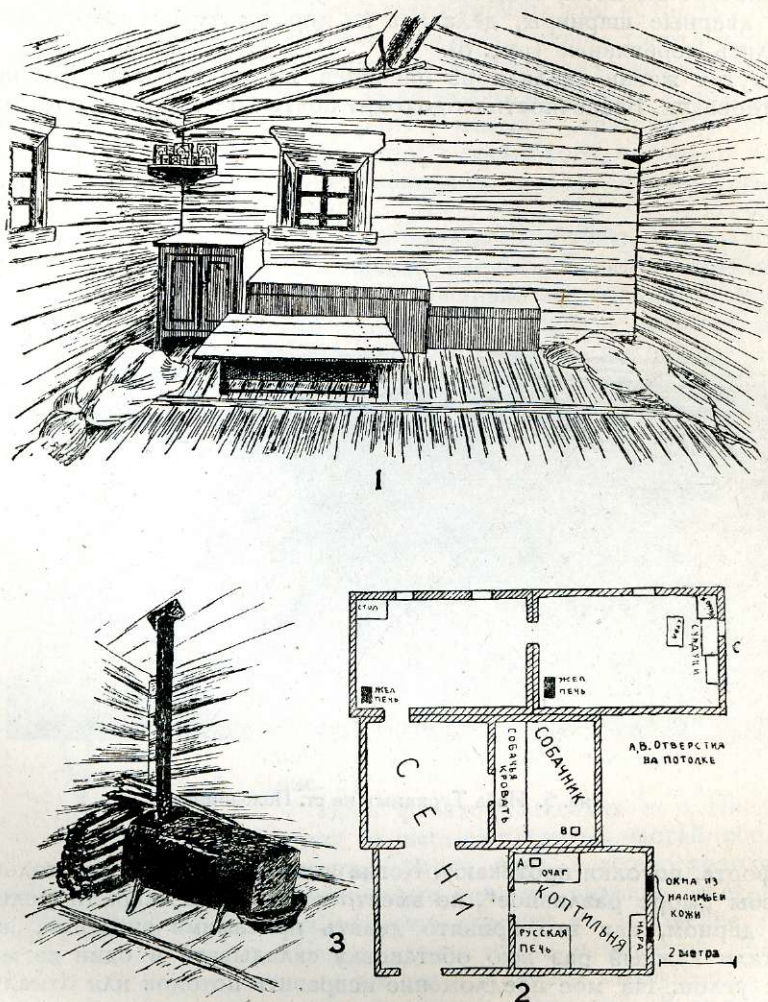

Рис. 6. Изба Туркиных. 1. Передний угол жилой комнаты. 2. План дома. 3. Железная печь.

казанию священника, колдун надел погребальную одежду и как покойник лег на стол. Священник прочитал над ним молитву, и тогда вылезли из него различные черви и исчезли. С этого времени прадед Лаптуковых перестал быть колдуном. Брат его, хотя никому и не делал зла, но под конец своей жизни, считая свое ведовство грехом, поехал на Енисей, в Дудинку, вымаливать у бога прощение, где и умер. Сыновья последнего, после его смерти, в продолжительную пургу остались без дров. И вдруг среди шума пурги услышали стук топора — как будто кто-то рубил дрова. Когда через некоторое время вышли на улицу, нашли целую сажень дров и догадались, что это сделал их умерший отец.

Отец Григория Лапукова „Возьми“, Никодимка, считался большим колдуном. Через неделю после своей смерти, ночью, он будто бы пришел к сыновьям и стал стучаться в запертую дверь, прося впустить его, причем свободно открывал запертые двери сеней и задерживался только перед запертыми дверями гор-

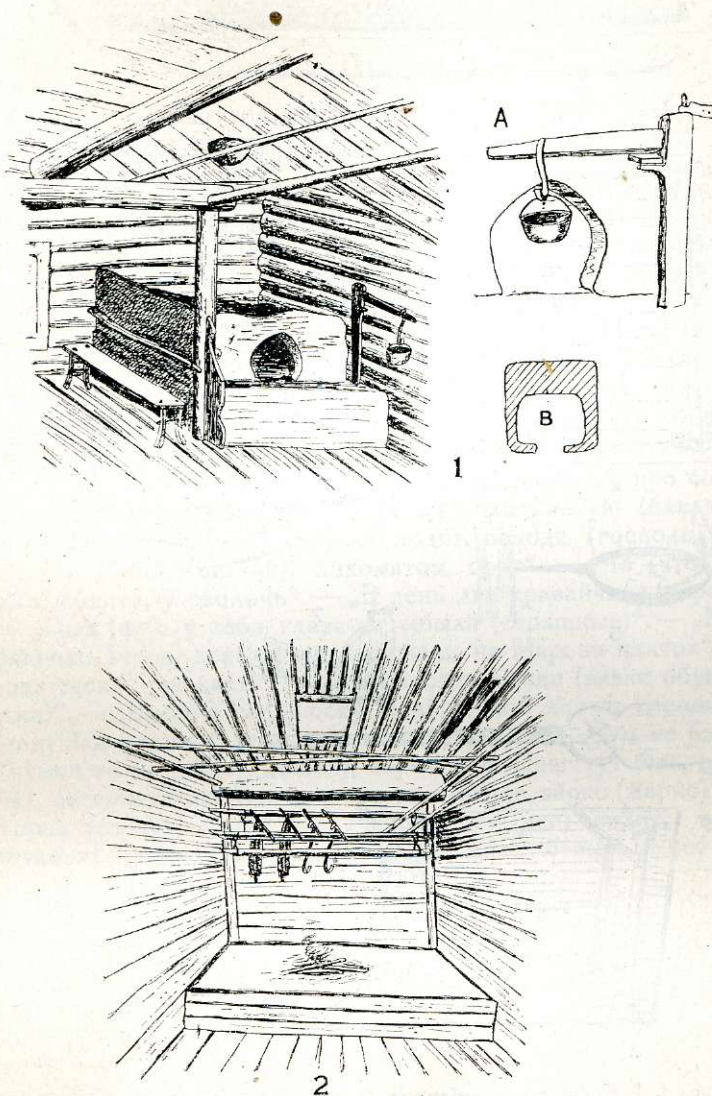

Рис. 7. 1. Печь „поварни“, не имеющая трубы. А — Вешало для котла.
В — План печи.

2. Очаг „поварни“. На вешалах коптится юкола.

ницы. В то время невестка Никодимки была на „сносях“, и он спрашивал через дверь: „Ну что, невестка-то опросталась ли? Как вы живете? Ребятки, впустите меня“. Утром увидели на снегу следы от нижней гробовой доски. Не стало от Никодимки никакого житъя; начал он „есть“ всех своих родных, несколько раз видели гроб его перелетающим через р. Пясину. Наконец позвали двух знаменитых долганских шаманов и заставили их камлать, чтобы успокоить Никодимку. После камлания, днем, собрали народ, пошли на могилу, где выкопали труп и

положили его вниз лицом. С тех пор Никодимка „молчит“, но и теперь пясинцы не любят говорить о нем, стараются издалека обходить его могилу на ст. Половинном и, не дай бог, как-нибудь невзначай наступить на нее — житья не станет.

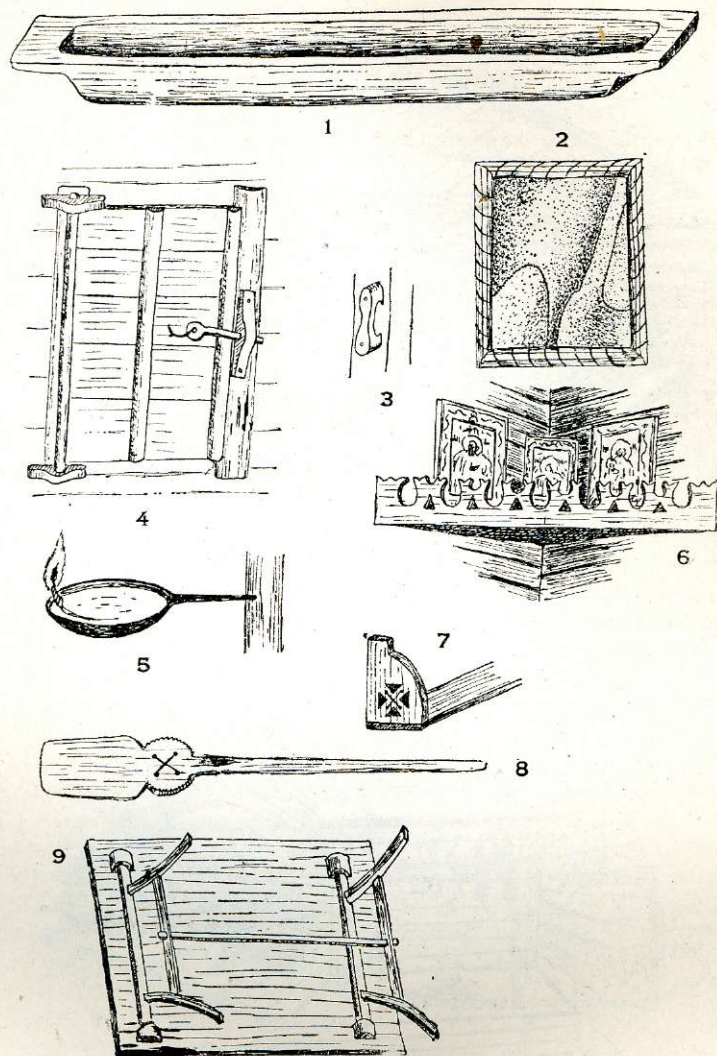

Рис. 8. 1. Корыто для собак, дл. 2 м. 2. Окно из кожи налива, величиною 35×30 см. 3. Ручка у двери. 4. Дверь, дл. 1 м, шир. 70 см. 5. „Лейка“. 6, 7. Полки для икон. 8. Лопата для сажания в печь хлебов, дл. 1 м 30 см. 9. Стол, дл. более 1 м, шир. 1. 1, 2, 3, 4, 5 и 6— Ст. Половинное. 7, 8 и 9— Ст. Заостровка.

Мать Никодимки тоже была, говорят, страшной колдуньей, она при жизни имела обыкновение изводить маленьких детей подарками — калачами, пряниками. Дети, взявшие от нее подарки, умирали. После ее смерти также не стало житья пясинцам, тогда они выкопали труп и забили ему в спину кол.

Таковы поверья пясинских крестьян, в достаточной мере характеризующие их отсталость.

Понятие о языке у пясинцев можно получить из приводимых ниже записей. Я слышал стороною о существовании сказок, но, к сожалению, никак не мог убедить рассказать мне хотя бы одну из них.

Женщины знают песни. Это что-либо вроде „Во саду-ли, в огороде“ или „В хороводе были мы“, распеваемые на долганский лад с искаженными до неузнаваемости словами, так что трудно бывает понять, что это русская песня.

Записи фраз из разговоров, дающие представление о выговоре пясинцев

„С ледом (со льдом) были все осера, оттого ни линияли гуси-то“. — „Ингода-то (назв. реки) болсая, я ни видал, ни снаю“. — „Пуссалину (пушальню — сети) погода унесла“. — „Сыпко (шибко) сыльную (сильную) погоду рыба не идёт“. — „Коптёнка-чайнык, коптилса, горясий чай“. — „Ему не стоит пить чай, пусту воду“. — „Черась говорит: „Чево меня неводить не взяли“. — „На улисе (улице) только коросуо (хорошо)“. — „Ни снаю (знаю) православные, ни снаю самоди (самоеды)?“ — „Другой год ессё нету (еще нет), не досуол (не дошел). — „Твой-то третей посол, насай (нашей-то) Иванов ден третей пойдет“. — „Солёно поем (соленое поем), да не могу, не могу усмират (усмирить) солёно“. — „Пуст подбирает (пусть подбирает) ясыкто“. — „Тот-ка чёрный, у того-то нос пестерый (пестрый про собак)“. — „Бй лях (вот ведь), не едят давеча козу (кожу) павлинскую (павлинок — разновидность юкалы)“. — „Это чо надулса хōдит, осподи (господи)“. — „Евон чо смотри, абыай, абыай (ой, ой), лихоматом орет“. — „Чо (что) на Лосанке (назв. собаки) сидите, у сволочь“. — „В день два кравайчика (каравайчик) сели (съели)“. — „Пыа (фу), у тебя глаза-то ыбыай (страшные)“. — „Мои траписки черась (тряпички вчера) искала, они изорвали на Марьин платок“. — „С Антониской дрова таскат (таскает)“. — „Ты никогда сыпки (вязки обуви) не связес, связы (связа)“. — „Весною сельдюску (сельдюшку) ловить станем“. — „У меня дедуска (дедушка-медведь) пасник (пастник) выломал. Сум не бы (если бы не шум), до чумов то не досол (дошел), воротился. Снег тут был, целый день на снегу-то был, растянется, катается — ето от комаров, зярко (жарко)“. — „Митька, смотри хуорча (собака) сидит на гумаге, век (все) сидит, чикэй (междо-метие ликования) хуорча, век сидит“. — „Собака безыт зывает (собака все бежит)“.

Словарь пясинских слов

- Знаток — колдун.
- Ссыха — ягода шикша.
- Вередить — ушибать.
- Бакарь — меховой сапог.
- Ломайка — скребок для кожи.
- Лонис — прошлый.
- Век — все время.
- Сырыкать — шлаться.
- Обутки — в смысле одежды вообще.
- Лопоть — одежда.
- Наплатить — сделать заплатки.
- Яхать — Ехать.
- Чортоходы — меховая обувь.
- Минкерь — сума.
- Пийска — узор.

Одындра — шкура летнего оленя.

Азиятец — употребляется по отношению к туземцам.

Боской — красивый.

Кумаха — чепуха, бестолочь.

Сыпки — вязки обуви.

Зывает — прибавляется к глаголу, чтобы подчеркнуть еще более продолжающееся действие, напр., „зывает“ „безыт“ — все (продолжает) бежит.

Примечание. Буква „е“ без точек сверху читается как е, а не как ё.